

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ
ПУНКТОВ 9.1 И 9.2 ПРИЛОЖЕНИЯ К ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТ 27 СЕНТЯБРЯ 2020 ГОДА НОМЕР 1586-N “ОБ
ОБЪЯВЛЕНИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ”,
ЧАСТЕЙ 5-7 И ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ С НИМИ ЧАСТЕЙ 13 И 14 СТАТЬИ
182.5 КОДЕКСА РА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ЗАЩИТНИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

г. Ереван

4 мая 2021 г.

Конституционный Суд в составе А. Диланяна (председательствующий), В. Григоряна, Г. Товмасыана, А. Туняна, А. Хачатряна, Е. Хундкаряна, Э. Шатиряна, А. Петросян, А. Вагаршяна,

с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя – Защитника прав человека А. Татояна,

привлеченных в качестве стороны-ответчика по делу представителей Национального Собрания – начальника Экспертно-аналитического управления Аппарата Национального Собрания Г. Атанесяна, начальника Отдела правового обеспечения и обслуживания Аппарата Национального Собрания М. Мосинян,

Правительства,

согласно пункту 1 статьи 168, пункту 10 части 1 статьи 169 Конституции, части 1 статьи 23 и статье 68 Конституционного закона “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия Конституции пунктов 9.1 и 9.2 Приложения к Постановлению Правительства от 27 сентября 2020 года номер 1586-N “Об объявлении военного положения в Республике Армения”, частей 5-7 и взаимосвязанных с ними частей 13 и 14 статьи 182.5 Кодекса РА об административных правонарушениях на основании обращения Защитника прав человека”.

Постановление Правительства **“Об объявлении военного положения в Республике Армения”** номер 1586-N (далее – также Постановление) принято, подписано и вступило в силу 27 сентября 2020 года.

Приложение к Постановлению дополнено пунктами 9.1 и 9.2 Постановлением Правительства от 8 октября 2020 года номер 1655-N **“О внесении дополнений в Постановление Правительства Республики Армения от 27 сентября 2020 года номер 1586-N”**. Пунктами 9.1 и 9.2 Приложения к Постановлению установлено:

“9.1. Запрещается публикация сообщений, критикующих, опровергающих, ставящих под сомнение эффективность или иным образом обесценивающих действия (в том числе выступления, публикации) государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, связанные с обеспечением правового режима военного положения и с обеспечением государственной безопасности.

9.2. Запрещается пропаганда, направленная против обороноспособности и безопасности Республики Армения и Республики Арцах, в том числе публикация сообщений, ставящих под сомнение обороноспособность Республики Армения и Республики Арцах”.

Процедурным решением Конституционного Суда от 20 ноября 2020 года ПРКС-209 действие пунктов 9.1 и 9.2 Приложения к Постановлению Правительства от 27 сентября 2020 года номер 1586-N **“Об объявлении военного положения в Республике Армения”** приостановлено до окончания рассмотрения дела.

Постановлением Правительства от 2 декабря 2020 года № 1917-N **“О внесении изменений в Постановление Правительства Республики Армения от 27 сентября 2020 года № 1586-N”** глава 4 Приложения к Постановлению утратила силу. Соответственно пункты 9.1 и 9.2 этой главы Приложения к Постановлению также были признаны утратившими силу.

Кодекс Республики Армения об административных правонарушениях (далее - Кодекс) принят Верховным Советом АрмССР 6 декабря 1985 года и вступил в силу 1 июня 1986 года.

9 октября 2020 года был принят и на следующий день вступил в силу Закон НО-456-N **“О внесении дополнений в Кодекс Республики Армения об административных правонарушениях”**, в соответствии с которым Кодекс дополнен статьей 182.5. Части 5-7, 13 и 14 статьи 182.5 Кодекса, озаглавленной **“Нарушение правил, действующих во время правового режима военного положения”**, устанавливают:

“5. Нарушение лицом, осуществляющим информационную деятельность, правил публикации или распространения информации в период военного положения, несоблюдение журналистом специального порядка аккредитации, нарушение специальных правил использования средств связи влечет назначение штрафа в размере от семисоткратного до тысячекратного размера установленной минимальной заработной платы.

6. Нарушение правил публикации или распространения информации лицами, не осуществляющими информационную деятельность, или нарушение правил ограничения свободы выражения мнения влечет наложение штрафа в размере от трехсоткратной до семисоткратной установленной минимальной заработной платы.

7. После назначения взысканий, установленных в частях 5 и 6 настоящей статьи, немедленное неустранение публикации, распространенной с нарушением правил публикации или распространения информации, установленных в период военного положения, влечет для лиц, осуществляющих информационную деятельность, назначение штрафа в размере от тысячекратного до полутора тысячекратного размера установленной минимальной заработной платы, а для лиц, не осуществляющих информационную деятельность, – от семисоткратного до тысячекратного размера установленной минимальной заработной платы.

(...)

13. Повторное совершение какого-либо из установленных настоящей статьей деяний (за исключением деяний, установленных частью 14 настоящей статьи) после назначения административного взыскания влечет назначение штрафа в двухкратном размере штрафа, назначенного ранее за совершение того же деяния.

14. Повторное совершение организацией какого-либо из установленных статьями 2, 3, 5, 8 и 11 настоящей статьи деяний после назначения административного наказания влечет приостановление экономической деятельности на срок от одного до трех месяцев, но не более, чем до окончания правового режима военного положения”.

Поводом к рассмотрению дела явилось обращение Защитника прав человека, зарегистрированное в Конституционном Суде 4 ноября 2020 года.

Изучив обращение, письменные объяснения ответчиков, проанализировав имеющие отношение к настоящему делу правовые акты и другие документы, Конституционный Суд **УСТАНОВИЛ:**

1. Позиции заявителя

Заявитель оспаривает соответствие пунктов 9.1 и 9.2 Приложения к Постановлению Правительства от 27 сентября 2020 года номер 1586-N “Об объявлении военного положения в Республике Армения”, частей 5-7, 13 и 14 статьи 182.5 Кодекса Республики Армения об административных правонарушениях статьям 42, 76, 78, 79 и 81 Конституции в том аспекте, что обобщенные и лишенные правовой определенности формулировки имеющихся правовых регулирований приводят к несоразмерному ограничению свободы выражения мнения.

Заявитель аргументирует, что закон, предусматривающий ограничения прав или свобод, должен быть максимально четким, исключая положения, позволяющие в процессе его применения произвольное толкование или неопределенное восприятие. Чрезвычайное или военное положение по своему характеру является таким положением, которое требует точных регулирований и четкости правовых правил, что в первую очередь необходимо органам публичной власти для обеспечения четкости актов, бесперебойной практики в напряженной ситуации при чрезвычайном или военном положении. Это важно для человека, гражданина – чтобы четко представлять свои права и действия государства, рамки своей ответственности и своих обязанностей.

Заявитель считает, что отдельные формулировки оспариваемых положений Постановления Правительства (“критикующие”, “опровергающие”, “ставящие под сомнение эффективность”, “обесценивающие”, “ставящие под сомнение обороноспособность”) как основания ограничения сообщений и публикаций носят оценивающий характер и являются спорными с точки зрения обеспечения правовой определенности. Нет критериев, которые позволили бы правоприменителю квалифицировать сообщение как “критикующее”, “опровергающее” или иным образом. Это предоставляет правоприменителям широкое усмотрение привлекать лиц к административной ответственности, что может привести к необоснованному ограничению свободы выражения мнения.

Согласно заявителю, неудовлетворение положений вышеуказанного Постановления Правительства конституционным требованиям правовой определенности, соразмерности и строгого соответствия международной практике и международным обязательствам Республики Армения, вмешательства в свободу выражения мнения как неизбежное последствие выдвигает также вопрос конституционности положений Кодекса Республики Армения об административных правонарушениях, устанавливающих правовые последствия задействия указанных спорных регулирований. Заявитель считает, что закрепленные на уровне упомянутого

Кодекса административно-правовые нормы, не закрепляя в качестве самостоятельных условий рассмотрение деяния как административного нарушения и подтверждение наличия признаков состава преступления, всем объемом содержания находятся в зависимости от оспариваемых положений Постановления Правительства.

По убеждению заявителя, несоответствие оспариваемых положений конституционным требованиям является также результатом грубых нарушений процедур их разработки и принятия. В связи с этим заявитель выражает свою обеспокоенность той практикой, когда, по его мнению, деликатные или содержащие ограничения прав проекты не представляются Защитнику прав человека для получения его мнения или их представление носит формальный характер, в конкретном случае имея в виду проекты соответствующих актов. Заявитель отмечает также, что закрепляющие оспариваемые положения проекты не стали предметом общественного обсуждения.

Заявитель поднимает также вопрос размера строгости штрафов, установленных оспариваемыми положениями Кодекса Республики Армения об административных правонарушениях, в аспекте несоразмерного вмешательства в свободу выражения мнения, отмечая, что санкции оспариваемых положений упомянутого Кодекса (крупные суммы штрафов, перманентность нарушений или увеличение суммы штрафов при повторном нарушении, вплоть до двойного размер, или приостановление экономической деятельности) уже свидетельствуют об их неправомерном сдерживающем влиянии в отношении информационной деятельности.

Заявитель, представляя свои аргументы, ссылается на ряд правовых позиций Конституционного Суда Республики Армения, Европейского суда по правам человека, на положения относимых внутригосударственных и международных актов, документов.

2. Позиции ответчиков

2.1. Позиции Национального Собрания

Согласно ответчику, до определения вопроса соответствия какого-либо правового регулирования критериям определенности должны быть рассмотрены те критерии, посредством которых должна быть осуществлена оценка соответствующего правового регулирования. В связи с этим, ссылаясь на правовые позиции, выраженные в актах Европейского суда по правам человека по ряду дел (далее – ЕСПЧ), ответчик отмечает, что ЕСПЧ констатировал:

- использование в некоторых правовых регулированиях оценочных и более или менее неопределенных формулировок в тех случаях, когда невозможность закрепления конкретного перечня (грубых и бесспорных формулировок) обусловлена императивом обеспечения гибкости законодательного регулирования;

- отсутствие проблемы в аспекте правовой определенности, если даже правовая норма может толковаться по-разному;

- предсказуемость правовой нормы даже в тех случаях, когда возможные последствия можно предсказать не только посредством получения юридической консультации, но и посредством здравого смысла (common sense);

- обеспечению предсказуемости правовой нормы способствует профессиональный статус того лица, которому направлена норма.

В связи с вышеуказанным ответчик обращает внимание на то обстоятельство, что вышеприведенные выводы относительно уголовных законов сделаны ЕСПЧ в том случае, когда в отношении норм, предусматривающих уголовную ответственность, в отличие от норм других ветвей права, устанавливаются более высокие требования определенности.

Применение в правовых нормах оценочных и в некоторой степени неопределенных понятий следует из характера правовых норм - “обслуживающие” общественные отношения. Правовые нормы, будучи правилами поведения, регулируемыми общественные отношения, не могут быть сформулированы предельно четко и ясно, когда те общественные отношения, на регулирование которых они направлены, зачастую очень сложны и многослойны.

Ответчик считает, что регламентирования, закрепленные в пунктах 9.1 и 9.2 Приложения к Постановлению, соответствуют критерию правовой определенности, так как изначально невозможно было определить и исчерпывающе установить, каким образом могут критиковаться, опровергаться действия (в том числе выступления, публикации) государственных органов и органов местного самоуправления и должностных лиц по обеспечению правового режима военного положения и государственной безопасности, а также ставиться под сомнение или иным образом обесцениваться их эффективность. Невозможно было также изначально предсказать и установить все те методы, которыми могла быть выражена пропаганда, направленная против обороноспособности и безопасности Республики Армения и Республики Арцах, или поставлена под сомнение обороноспособность двух Республик.

Относительно вопроса необходимости принятия в демократическом обществе оспариваемых положений ответчик отмечает, что они приняты в условиях военного положения с целью предупреждения распространения информации, дезинформации и сеющих панику сведений, представляющих угрозу боеспособности армии и государственной безопасности. Согласно ответчику, целью принятия оспариваемых положений и ограничения свободы выражения мнения в данном случае является защита государственной безопасности.

Ответчик находит, что борьба с любым порочным явлением почти всегда направлена не на полное устранение этого явления, а на значительное уменьшение его объемов. Даже при самых жестких ограничениях в условиях нынешних информационных потоков полностью исключить огласку той или иной информации невозможно. Однако в то же время надо констатировать, что потоки информации, которые обеспечиваются действующими в Республике Армения, имеющими большую аудиторию слушателей субъектами информационной деятельности, – это один объем и во многих случаях неузнаваемый, а информация, предоставленная лицом, проживающим за пределами Республики Армения и не имеющим большой аудитории слушателей, – иной объем. Согласно ответчику, очевидно, что вероятность недоверия информации, полученной представителями армянской аудитории от распространителя информации второго типа, гораздо выше. Следовательно, та ограничительная мера, которая хоть и не полностью, но существенно может пресечь распространение недозволенной информации в условиях практической невозможности ее полного исключения, должна рассматриваться как действенная мера.

Ответчик, не исключая, что в правоприменительной практике были проблемы, связанные с применимостью оспариваемых норм, одновременно не согласен с тем, что причиной этих проблем являются оспариваемые положения.

2.2. Позиции Правительства

Согласно ответчику, выраженная определенным образом конкретная правовая цель регулирования, предусмотренного оспариваемыми нормами, заключается в обеспечении государственной и информационной безопасности в условиях военного положения, что имеет предопределенное Конституцией публично-правовое значение, так как призвано гарантировать исполнение ее предписаний. Согласно правовому содержанию оспариваемых норм, допустимым законом средством осуществления этой цели является ограничение свободы выражения мнения, которое проявляется

временным установлением предусмотренного в пунктах 9.1 и 9.2 Приложения к Постановлению запрета на распространение сведений, а в случае распространения указанных сведений – применением следующих из военного положения строгих санкций, предусмотренных в частях 5, 6, 7, 13 и 14 статьи 182.5 Кодекса. В этом аспекте они в первую очередь призваны гарантировать эффективное соблюдение правового режима военного положения. Понятия, употребленные в пунктах 9.1 и 9.2 Приложения к Постановлению (взаимосвязанных со статьей 182.5 Кодекса), хотя и являются оценочными, однако признаются общеизвестными и не могут по-разному восприниматься судом (правоприменительным административным органом). В рамках регулирования Постановления они в основном отражены в системной органической связи и в условиях военного положения обеспечивают правомерный баланс между правом выражаться и приоритетным общественным интересом, а именно государственной безопасностью.

По оценке ответчика, цель стандартов, установленных в пунктах 9.1 и 9.2 Приложения к Постановлению (взаимосвязанных со статьей 182.5 Кодекса), заключается в пресечении распространения информации, направленной против государственной безопасности Республики Армения в условиях военного положения, а их равноценное восприятие, правомерное применение, системное выявление их правовой истинности в каждом конкретном случае является задачей правоприменительной (судебной) практики.

В связи с тем обстоятельством, что для получения мнения офиса Омбудсмана относительно соответствующего законодательного пакета были предоставлены достаточно сжатые сроки, и он не прошел соответствующие установленные законодательством процедуры, ответчик отмечает, что, согласно пункту 7 Приложения к Постановлению, деятельность органов, организаций государственного и территориального управления, местного самоуправления была перевода на рабочий режим военного положения, начиная с 16.00 часов 27 сентября 2020 года. Следовательно, каждый государственный орган был обязан организовать свою деятельность в соответствии с правовым режимом военного положения, обеспечить в подобных условиях эффективную и быструю работу. Причем нужно было срочно обеспечить реализацию ограничений, установленных правовым режимом военного положения. В связи с вопросом введения законодательного пакета в оборот в сжатые сроки и ускоренного осуществления соответствующего процесса с несоблюдением процедурных норм ответчик отмечает также, что в докладе Совета Европы,

опубликованном 7 апреля 2020 года, относительно ограничений, применяемых во время чрезвычайного положения, отмечено, что в подобных ситуациях в первую очередь исполнительные органы государства должны уметь действовать быстро и эффективно. Это предполагает более простую процедуру принятия решений, а в допустимом Конституцией размере – в обход некоторых предоставленных компетентным государственным органам полномочий.

Ответчик отмечает, что при установлении размера санкции за проступки, предусмотренные частями 5-7, 13 и 14 статьи 182.5 Кодекса, законодатель преследовал цель выбрать такую строгость санкции, которая будет достаточна, необходима и пригодна для достижения преследуемой правомерной цели – надлежащего обеспечения государственной безопасности, и в условиях военного положения по возможности исключит опасности и угрозы, идущие с информационного поля. Предусмотренные деяния – это деяния, которые могут привести к нарушению государственной безопасности, угрожать жизни защищающего родину солдата и передать информацию врагу. Учитывая эту опасность, установлены размеры санкций, которые, согласно ответчику, с точки зрения соразмерности, не являются проблемными.

Ответчик, констатируя, что представленные заявителем неблагоприятные последствия являются результатом соответствующих вынесенных административным органом административных актов, находит, что заявитель, оспаривая конституционность положений, являющихся предметом спора, поднимает вопрос правомерности их применения, пытаясь замаскировать это оспариванием конституционности положений, являющихся предметом спора.

Ответчик считает, что части 5-7, 13 и 14 статьи 182.5 Кодекса и пункты 9.1 и 9.2 Приложения к Постановлению соответствуют Конституции, и одновременно обращается с просьбой рассмотреть вопрос прекращения производства по настоящему делу.

3. Обстоятельства, подлежащие установлению в рамках дела

Конституционный Суд при определении конституционности оспариваемых по настоящему делу положений считает необходимым обратиться, в частности, к следующим вопросам:

1. Созвучны ли оспариваемые регулирования Приложения к Постановлению, предусматривающие ограничения распространения сообщений, публикаций,

конституционному принципу правовой определенности в связи с имеющимися в них формулировками оценочного характера?

2. Соответствуют ли предусматривающие административную ответственность оспариваемые положения Кодекса предъявляемым ограничению свободы выражения мнения конституционным принципам соразмерности, а также определенности?

Исходя из вышеизложенного, Конституционный Суд считает необходимым оценить конституционность оспариваемых положений на основании статей 42, 76, 78 и 79 Конституции.

Одновременно Конституционный Суд констатирует, что заявитель не представил никаких обоснований относительно вопроса конституционности положений части 5 “(...) несоблюдение журналистом специального порядка аккредитации, нарушение специальных правил использования средств связи”, части 13 “какого-либо из установленных настоящей статьей деяний, (...) (то есть любое деяние, установленное вышеуказанной статьей Кодекса), части 14 Кодекса “(...) какого-либо из установленных частями 2, 3, (...), 8 и 11 настоящей статьи деяний, (...)” статьи 182.5 Кодекса, так как поднял вопрос в ином контексте.

4. Правовые позиции Конституционного Суда

4.1. При оценке конституционности оспариваемых по настоящему делу правовых регулирований Конституционный Суд считает необходимым провести комплексный анализ не только оспариваемых положений вышеперечисленных нормативно-правовых актов, но и относимых к ним положений Закона “О правовом режиме военного положения” (далее – Закон), из чего, в частности, следует:

1) военное положение (...) допускает установление определенных ограничений прав и свобод юридических лиц, граждан Республики Армения, иностранных граждан и лиц без гражданства и возложение на них дополнительных обязанностей (статья 1 Закона “**О правовом режиме военного положения**” ЗР-258-Н (принят 05.12.2006 г., вступил в силу 27.01.2007 г.);

2) в Постановлении Правительства об объявлении военного положения должен быть установлен перечень временных ограничений прав и свобод граждан Республики Армения и иностранных граждан, лиц без гражданства, организаций, применяемых к ним мер, а также дополнительных обязательств в отношении них (пункт “д” части 1 статьи 6 Закона);

3) в случае объявления военного положения в течение всего срока действия военного положения могут осуществляться как ограничение в установленном законом порядке свободы слова, так и изъятие или арест печатного оборудования, радиотрансляционных, звукоусилительных технических средств, множительной техники, установление особого порядка аккредитации журналистов, особых правил пользования средствами связи (пункт “м” части 1 статьи 8 Закона);

4) Правительство согласно Закону устанавливает меры и временные ограничения по обеспечению правового режима военного положения, органы и силы, обеспечивающие правовой режим военного положения, а также контролирует процесс осуществления мер и временных ограничений по обеспечению правового режима военного положения (пункт 2 части 1 статьи 11 Закона);

5) осуществляемые в условиях военного положения (...) ограничения конституционных прав и свобод физических лиц (...) возлагаемые на юридических лиц дополнительные обязательства должны осуществляться в пределах, которые обеспечивают требования статьи 76 Конституции и соразмерны обстоятельствам, послужившим основанием для объявления военного положения, а также должны соответствовать международным обязательствам Республики Армения в области защиты прав человека и исходить из международных обязательств относительно отступления от обязательств в условиях военного положения (чрезвычайных ситуаций) (статья 14 Закона);

6) в пункте 9, включенном в главу 4 Приложения к Постановлению, озаглавленную **“Ограничения осуществления публикаций, сообщений”**, установлено: “Публичное распространение, передача, в том числе на интернет-сайтах и в социальных сетях (далее – публикация), публикаций, информационных материалов, интервью, сообщений и другой непосредственно связанной с ними информации (далее все вместе – и сообщения) относительно имевших место в Республике Армения и Республике Арцах боевых действий, их направлений, боевой техники, вооруженных сил и других войск, обусловленного боевыми действиями передвижения гражданских лиц (групп), вреда и потерь, понесенных в результате боевых действий, осуществляется исключительно со ссылкой на предоставленную государственными органами официальную информацию (далее – официальная информация), полностью отражая официальную информацию (без редактирования)”. Из вышеизложенного следует, что содержание терминов “сообщение” и “публикация” раскрыто в пункте 9 Приложения к Постановлению;

7) в пункте 9.3 Приложения к Постановлению установлено: “Контроль за соблюдением правил, предусмотренных пунктами 9, 9.1 и 9.2 настоящего Приложения, осуществляет Полиция Республики Армения. Полиция Республики Армения правомочна принимать необходимые меры по обеспечению уничтожения опубликованных сообщений и информации, временной конфискации или наложения ареста на печатное оборудование, радиовещательных и звукоусилительных технических средств, множительной техники”;

8) в пункте 10 Приложения к Постановлению установлено: “Ограничения, установленные настоящей главой, не применяются в отношении сообщений, сделанных государственными должностными лицами, или ссылок на их сообщения”.

4.2. Свобода выражения мнения и гарантирование основных мер ее реализации, как важное предусловие существования и развития демократического общества, имеет как конституционно-правовое, так и международно-правовое принципиальное значение.

Согласно статье 42 Конституции:

“1. Каждый имеет право на свободное выражение своего мнения. Это право включает в себя свободу иметь собственное мнение, а также свободу поиска, получения и распространения сведений и идей через какое-либо средство информации без вмешательства государственных органов и органов местного самоуправления и независимо от государственных границ.

2. Гарантируется свобода печати, радио, телевидения и других средств информации. Государство гарантирует деятельность независимого общественного телевидения и общественного радио, предлагающих разнообразие передач информационного, образовательного, культурного и развлекательного характера.

3. Свобода выражения мнения может быть ограничена только законом – в целях государственной безопасности, защиты общественного порядка, здоровья и нравственности или чести и доброго имени, а также основных прав и свобод других лиц”.

Свобода слова (включая свободу выражения мнения, свободу поиска информации и идей без вмешательства государственных органов, их получения и распространения любыми средствами информации) гарантирована Всеобщей декларацией прав человека (статья 19), Европейской конвенцией “О защите прав человека и основных свобод” (статья 10), Международным пактом о гражданских и политических правах и факультативным протоколом к нему (статья 19).

Помимо вышеупомянутых международных договорных обязательств, соответствующие международные и региональные стандарты гарантирования свободы выражения установлены в рекомендациях, принятых в рамках ОБСЕ (например, документы Московского и Копенгагенского совещаний Конференции по человеческому измерению ОБСЕ соответственно от 03.10.1991 г. и 29.06.1999 г.), рекомендациях, принятых политическими органами Совета Европы, консультациях и комментариях экспертных органов, предоставляющих авторские комментарии приемлемых стандартов в сфере свободы слова.

Конституционно-правовое содержание свободы выражения раскрыто в ряде постановлений Конституционного Суда. В Постановлении Конституционного Суда от 26 декабря 2017 года ПКС-1396 констатируется: “(...) свобода выражения является важным принципиальным элементом не только в системе прав и свобод человека, но и в системе общественных интересов, и ее гарантирование – конституционно-правовое и международно-правовое требование”.

Конституционный Суд в выраженных в своих постановлениях правовых позициях отметил важность гарантирования этой свободы не только в рамках реализации субъективных прав человека, но и в рамках регулирования публично-правовых отношений. В частности, в Постановлении Конституционного Суда от 6 марта 2012 года ПКС-1010 констатируется: “(...) Доступность общественной информации является одной из существенных предпосылок демократии и прозрачности государственного управления, ответственного перед обществом. Демократический контроль, осуществляемый посредством общественного мнения, способствует прозрачности действий государственной власти и подотчетной деятельности государственных органов и должностных лиц”.

В Постановлении Конституционного Суда от 11 января 2001 года ПКС-278 констатируется: “(...) Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Пакт о гражданских и политических правах 1966 года и другие соответствующие международные документы, закрепляя право каждого свободно выражаться, в том числе иметь собственное мнение, получать и распространять информацию и идеи, важной гарантией его реализации считают исключение вмешательства государственных органов. Однако это не препятствует предусмотрению законом определенных ограничений, исходя из законных интересов общества и государства в этой сфере”.

Свобода выражения не является абсолютной и как по соответствующим международно-правовым документам, так и по предусмотренным Конституцией основаниям и в установленном законом порядке может ограничиваться с целью защиты государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности (общественных интересов) или чести и доброй репутации и других основных прав и свобод иных лиц. В связи с этим Конституционный Суд в своем Постановлении от 15 ноября 2011 года ПКС-997 выразил правовую позицию, согласно которой “(...) любое ограничение права на свободу выражения должно быть установлено законом, служить цели защиты правомерного интереса и быть необходимым для обеспечения данного интереса”.

К содержанию свободы выражения и ее ограничениям неоднократно обращался также ЕСПЧ, в частности, констатируя: “Свобода выражения лежит в основе демократического общества, является одним из основных условий развития демократического общества и каждого индивида” (CASE OF HANDYSIDE V. THE UNITED KINGDOM, жалоба номер 5493/72, Решение от 07.12.1976 г., пункт 49; CASE OF STOLL V. SWITZERLAND, жалоба номер 69698/01, Решение от 10.12.2007 г., пункт 101; CASE OF MORICE V. FRANCE, жалоба номер 29369/10, Решение от 23.04.2015 г., пункт 124).

Согласно ЕСПЧ, свобода слова, являясь одной из существенных основ демократического общества, может подвергаться ограничениям, которые должны толковаться точно, и необходимость каждого ограничения должна быть установлена убедительно (CASE OF OBSERVER AND GUARDIAN V. THE UNITED KINGDOM, жалоба номер 13585/88, Решение от 26.11.1991 г., пункт 59; CASE OF HERTEL V. SWITZERLAND, 59/1997/843/1049, Решение от 25.08.1998 г., пункт 46).

4.3. Согласно статье 79 Конституции при ограничении основных прав и свобод законы должны устанавливать основания и объем этих ограничений, быть в достаточной мере определенными, чтобы носители и адресаты этих прав и свобод были в состоянии проявлять соответствующее поведение.

Конституционный Суд в ряде своих постановлений обращался к содержанию конституционных требований правовой определенности, констатируя, в частности, нижеизложенное:

а) “одним из важнейших признаков (...) правового государства является **верховенство права**, основными требованиями по обеспечению которого являются **принцип правовой определенности** и регулирование правовых отношений

исключительно такими **законами, которые отвечают определенным качественным признакам** – являются четкими, предсказуемыми, доступными” (ПКС-1270);

б) (...) закон также должен соответствовать той правовой позиции, выраженной в ряде постановлений Европейского суда по правам человека, согласно которой какая-либо правовая норма не может считаться “законом”, если она не соответствует принципу правовой определенности (...), т.е. не сформулирована с достаточной степенью четкости, которая позволила бы гражданину сообразовать с ней свое поведение” (ПКС-630);

в) “принцип правового государства, в числе прочего, требует также наличие правового закона. Последний должен быть достаточно доступным, чтобы субъекты права имели возможность в соответствующих обстоятельствах определиться, какие правовые нормы применяются в данном случае. Норма не может считаться “законом”, если она не сформулирована с достаточной точностью, которая бы позволила физическим и юридическим лицам моделировать свое поведение в соответствии с ней; они должны иметь возможность предвидеть те последствия, которые может вызвать данное действие” (ПКС-753);

г) “(...) с точки зрения обеспечения правовой определенности используемые в законодательстве понятия должны быть четкими, определенными и не приводить к разнохарактерным толкованиям и путанице” (ПКС-1176);

д) “(...) *правовая определенность является также важным элементом правовой безопасности, который*, в числе прочего, обеспечивает доверие к публичной власти и ее институтам;

(...) в правовом государстве защита доверия к дальнейшему существованию действующего правопорядка должна быть гарантирована исключительно посредством *определенных, то есть предсказуемых, четких и доступных всем законодательных регулирований*” (ПКС-1488);

е) “(...) правовые регулирования, закрепленные в законе в рамках признания принципа верховенства права, должны сделать для лица предсказуемыми его правомерные ожидания. Кроме того, принцип правовой определенности, являясь одним из основополагающих принципов правового государства, предполагает также, что действия всех субъектов правоотношений, в том числе носителей власти, должны быть предсказуемыми и законными” (ПКС-1213);

ж) действие конституционно-правового принципа правовой определенности распространяется на все законы, независимо от того, какой характер они имеют –

ограничивают основное право или регулируют реализацию основного права (ПКС-1357);

з) “даже при максимально четкой формулировке правовой нормы судебное толкование не исключается. Необходимость разъяснения правовых норм и приведения их в соответствие с изменяющимися обстоятельствами – развивающимися общественными отношениями всегда существует. Следовательно, определенность и точность законодательных регулирований не могут быть абсолютизированы – даже недостаточная четкость может быть восполнена толкованиями суда” (ПКС-1270, ПКС-1488).

ЕСПЧ в своих решениях неоднократно обращался к принципу правовой определенности. В частности, ЕСПЧ нашел, что одним из требований выражения “предусмотренный законом” является то, что соответствующая мера должна быть предсказуема. Норма не может считаться “законом”, если она не сформулирована достаточно четко, чтобы позволить лицу регулировать свое поведение: лицо в данных обстоятельствах должно быть в состоянии в разумной степени предвидеть последствия своего соответствующего действия. Эти последствия не могут быть предсказуемы с абсолютной четкостью. Хотя определенность формулировок крайне желательна, тем не менее необходимо избегать их чрезмерной жесткости, право должно быть способно адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. По этой самой причине часто в законах имеются термины, которые более или менее неопределенны. Их толкование и применение являются вопросами практики (CASE OF THE SUNDAY TIMES V. THE UNITED KINGDOM, жалоба номер 6538/74, Решение от 26.04.1979 г., пункт 49; CASE OF BUSUIOC V. MOLDOVA, жалоба номер 61513/00, Решение от 21.03.2005 г., пункт 52).

По одному из дел ЕСПЧ констатировал, что понятие “нарушение общественного порядка”, употребляемое в части 1 статьи 283 Уголовного кодекса, в какой-то мере является неопределенным. Однако учитывая, что нормальная жизнь может быть нарушена неограниченными способами, было бы нереально ожидать от законодателя установления исчерпывающего перечня действий, которыми может быть выражено рассматриваемое преступление. Таким образом, Суд счел, что часть 1 статьи 283 указанного Кодекса в том виде, в каком она сформулирована, удовлетворяет качественным требованиям, следующим из прецедентной практики Суда (CASE OF KUDREVIČIUS AND OTHERS V. LITHUANIA, жалоба номер 37553/05, Решение от 15.10.2015 г., пункт 113).

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что в аспекте обеспечения принципа правовой определенности общая логика сводится к той идее, что хотя правовая определенность необходима, тем не менее этот принцип не исключает наличие в правовых актах таких формулировок или терминов, которые имеют оценивающий характер и в каждом конкретном случае наиболее конкретизируются в рамках правоприменительной практики.

В связи с вопросом созвучности установленных в Приложении к Постановлению формулировок оспариваемых регулирований (“критикующие”, “опровергающие”, “ставящие под сомнение эффективность”, “ставящие под сомнение обороноспособность”, “каким-либо иным образом обесценивающие”) конституционному принципу определенности надо отметить, что наличие в правовых актах подобных формулировок неизбежно, и это обусловлено той реальностью, что в ряде случаев для полного представления обстоятельств и равноценной оценки деяния невозможно избежать применения таких формулировок, содержание которых главным образом должно быть раскрыто в рамках правоприменительной практики. В этом аспекте исчерпывающее и полное представление определений ряда установленных в Приложении к Постановлению формулировок оспариваемых регулирований объективно невозможно, так как они имеют оценивающий характер и их содержание должно быть раскрыто также в рамках правоприменительной практики. Максимальная четкость этих норм должна гарантироваться также в рамках выносимых в результате их применения актов, чтобы их адресату было ясно, например, какое из совершенных им деяний является критикующим, опровергающим, ставящим под сомнение эффективность/обороноспособность, каким-либо иным образом обесценивающим.

Вышеизложенное касается также правовых регулирований, установленных частями 5-7 статьи 182.5 Кодекса, в контексте вопроса их соответствия конституционному требованию определенности.

В то же время Конституционный Суд, наряду с обстоятельством раскрытия содержания ряда формулировок оспариваемых положений в правоприменительной практике, считает важным в данном случае также императив максимальной определенности, четкости, предсказуемости и доступности положений/формулировок правовых актов, предусматривающих ограничения свободы выражения мнения, для исключения их разного восприятия/своевольных толкований. Упомянутое обстоятельство важно, в первую очередь, для тех субъектов, в отношении которых соответствующие регулирования (положения/формулировки) применяются, дабы они

могли по возможности точно воспринять их сущность/требования, привести свое поведение в соответствие с этими требованиями и предвидеть возможные последствия своего поведения в связи с этим, а также для применяющих/толкующих их субъектов.

Относительно вышеизложенного в Постановлении Конституционного Суда от 15 ноября 2019 года ПКС-1488 констатируется: “(...) четкость, предсказуемость и доступность законов, ограничивающих основные права или свободы, прямо пропорциональны степени ограничения основного права: **чем более интенсивным является это ограничение, тем более четкими, предсказуемыми и доступными должны быть формулировки упомянутых законов**, чтобы не создавать двусмысленности для частных лиц в вопросе содержания и наличия запретов, иных ограничений или возложенных на них обязанностей;

(...) учитывая множество насущных вопросов и невозможность реагировать на все ситуации нормотворческим путем, требование определенности законодательных и подзаконных регулирований не исключает закрепление неопределенных правовых понятий в законах и подзаконных нормативно-правовых актах, однако это обязательно должно сопровождаться равноценным толкованием подобных понятий, а в идентичных случаях – их единообразным толкованием, без чего невозможно констатировать предсказуемость этих положений”.

Конституционный Суд свои вышеупомянутые правовые позиции, выраженные в Постановлении от 15 ноября 2019 года ПКС-1488, считает применимыми также по настоящему делу.

Конституционный Суд по результатам изучения материалов, приложенных к зарегистрированному в Конституционном Суде 24 марта 2021 года ответному письму Полиции, а именно протоколов об административных правонарушениях, установленных оспариваемыми по настоящему делу частями 5-7 статьи 182.5 Кодекса, и решений по делам об административных правонарушениях, Конституционный Суд констатирует, что в указанных протоколах и решениях в основном делается ссылка на пункт 9.1. Приложения к Постановлению, конституционность которого также оспаривается по настоящему делу. Причем в основном были применены регулирования частей 5 и 6 статьи 182.5 Кодекса.

Хотя при констатации и оценке соответствующих проступков (административные правонарушения) делается ссылка на пункт 9.1. Приложения к Постановлению и на употребляемые в нем формулировки “критикующие”, “ставящие под сомнение эффективность”, “каким-либо иным образом обесценивающие”, тем не менее

содержание каждой из них в контексте квалификации соответствующего деяния как административного правонарушения должным образом не раскрыто. Иначе говоря, был проявлен, по сути, механический подход, делая ссылку на соответствующую норму (нормы), формулировку (формулировки). Причем, если формулировка “критикующие” достаточно четкая, то то же самое нельзя сказать о формулировках “ставящие под сомнение эффективность”, “каким-либо иным образом обесценивающие”, которые имеют высокий уровень абстрактности. Следовательно, пределы дискреции органа, ссылающегося на них или применяющего их, по сути, не ограничены. Помимо этого, словосочетания “ставить под сомнение эффективность” и “каким-либо иным образом обесценивать” вместе или отдельно взятые могут как проявляться в свете (в контексте) критики, так и иметь автономное содержание.

Учитывая вышеизложенное и констатируя, что словосочетания пункта 9.1. Приложения к Постановлению “ставящие под сомнение эффективность” и “каким-либо иным образом обесценивающие” могут привести к двусмысленности в вопросе запретов/ограничений для частных лиц или наличия возложенных на них обязанностей и их содержания, Конституционный Суд находит, что словосочетание пункта 9.1. Приложения к Постановлению “ставящие под сомнение их эффективность или каким-либо иным образом обесценивающие” не созвучно конституционному принципу определенности.

Изучение частей 5-7 статьи 182.5 Кодекса свидетельствует, что они в контекстуальном аспекте связаны с положениями пунктов 9-9.2 Приложения к Постановлению. В частности, содержание терминов “сообщение” и “публикация” раскрыто в пункте 9 Приложения к Постановлению (“Публичное распространение, передача, в том числе на интернет-сайтах и в социальных сетях, публикаций, информационных материалов, интервью, сообщений и другой непосредственно связанной с ними информации (далее все вместе – сообщения”), а в пунктах 9.1. и 9.2 Приложения к Постановлению употреблено словосочетание “публикация сообщений”.

В пункте 9.1. к Постановлению употреблено словосочетание “обеспечение правового режима военного положения”, а статья 182.5 Кодекса озаглавлена “Нарушение правил, действующих во время правового режима военного положения”. В частях 5 и 6 статьи 182.5 Кодекса употреблено словосочетание “нарушение правил публикации или распространения информации”, а в части 6 – также словосочетание “нарушение правил ограничения свободы выражения мнения”. В части 7 статьи 182.5 Кодекса употреблено словосочетание “публикация, распространенная с нарушением

правил публикации или распространения информации”. В частях 13 и 14 статьи 182.5 Кодекса акцент делается на повторное совершение установленного указанной статьей/ее соответствующей частью деяния после дня назначения административного взыскания.

В связи с этим Конституционный Суд находит, что диспозиции норм оспариваемых частей 5-7 статьи 182.5 Кодекса (в части формулировок), по сути, являются отсылочными (бланкетными), что уместается в рамки логики правил законодательной техники.

4.4. Согласно статье 76 Конституции “во время чрезвычайного или военного положения основные права и свободы человека и гражданина, за исключением указанных в статьях 23-26, 28-30, 35-37, части 1 статьи 38, части 1 статьи 41, части 1, первом предложении части 5 и части 8 статьи 47, статье 52, части 2 статьи 55, статьях 56, 61, 63-72 Конституции могут быть в установленном законом порядке временно приостановлены или подвергнуты дополнительным ограничениям лишь настолько, насколько этого требует ситуация – в пределах международных обязательств, принятых в отношении отклонения от обязательств во время чрезвычайного или военного положения”.

Согласно статье 81 Конституции “1. При толковании положений об основных правах и свободах, закрепленных в Конституции, учитывается практика органов, действующих на основании международных договоров о правах человека, ратифицированных Республикой Армения. 2. Ограничения основных прав и свобод не могут превышать ограничения, установленные международными договорами Республики Армения”.

Таким образом, в соответствии со статьей 76 свобода выражения мнения во время чрезвычайного или военного положения в установленном законом порядке может быть временно приостановлена или подвергнута дополнительным ограничениям, однако лишь настолько, насколько этого требует ситуация – в пределах международных обязательств, принятых в отношении отклонения от обязательств во время чрезвычайного или военного положения.

Согласно части 1 статьи 15 Европейской конвенции **“О защите прав человека и основных свобод”**, озаглавленной “Отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях”, в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от ее обязательств по настоящей

Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву. То есть любое государство-член Совета Европы может отступить от взятых им обязательств по Конвенции, но лишь настолько, насколько этого требует серьезность ситуации.

ЕСПЧ отметил, что государства в этой сфере не обладают неограниченной дискрецией: Суд вправе определить, превосшли ли государства “точный размер требований” кризиса (CASE OF IRELAND V. THE UNITED KINGDOM, жалоба номер 5310/71, Решение от 18.01.1978 г., пункт 207). Суд изучает, *inter alia*, достаточно ли обычных законов для преодоления чрезвычайной ситуации (CASE OF IRELAND V. 29 THE UNITED KINGDOM, жалоба номер 5310/71, Решение от 18.01.1978 г., пункт 212), имеет ли отступление от обязательства ограниченные рамки и каковы его основания, были ли наряду с вынужденными мерами обеспечены гарантии, было ли возможно на практике осуществлять судебный контроль за этими действиями (CASE OF BRANNIGAN AND MCBRIDE V. THE UNITED KINGDOM, жалоба номер 14553/89; 14554/89, Решение от 26.05.1993 г., пункты 59, 61-66), были ли принятые меры соразмерны преследуемой цели, и на самом деле имела ли место необоснованная дискриминация (CASE OF A. AND OTHERS V. THE UNITED KINGDOM, жалоба номер 3455/05, Решение от 19.02.2009 г., пункт 190).

Отступление от взятых обязательств требует от внутригосударственных органов соблюдения принципа строгой необходимости, согласно которому все меры в отступление от положений Пакта должны применяться исключительно в той степени, в какой это строго необходимо для устранения угрозы жизни нации, и вводиться на тот срок и на той географической территории, на которой это строго необходимо. Эти меры должны быть соразмерны природе и масштабам угрозы жизни нации. Отступление от прав не является соответствующим остроте положения в ситуации, когда для устранения угрозы жизни нации будет достаточно обычного ограничения прав, предусматриваемого в отдельных положениях Пакта. Принцип острой необходимости должен применяться объективно. Каждое отступление от прав должно быть направлено на устранение насущной, очевидной, действительной или неминуемой опасности и не может применяться только в связи с ожиданием потенциального происшествия. (Сиразские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах, 28.09.1984 г., E/CN.4/1985/4, пункты 51, 53, 54).

“Никакие ограничения свободы выражения мнения или информации не могут вводиться под предлогом защиты национальной безопасности, если только правительство не продемонстрирует, что такое ограничение предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе для защиты законных интересов национальной безопасности. Бремя указания срока действия ограничений несет Правительство.

(...) В частности, ограничение, вводимое для защиты интересов национальной безопасности, не является легитимным, если его истинной целью и доказуемым результатом является защита интересов, не относящихся к национальной безопасности, включая, например, защиту репутации правительства и недопущение огласки его неправомочных действий, или сокрытие информации о функционировании государственных учреждений, или навязывание определенной идеологии (...)” (Йоханнесбургские принципы “Национальная безопасность, свобода выражения мнения и доступ к информации”, Артиклъ 19, Лондон ISBN 1 870798 89 9.11.1996 г., принципы 1 (d), 2(b)).

4.5. Хотя ограничение прав и отклонение от конвенционных положений и предполагает правовые автономные процедуры, тем не менее необходимо, чтобы они были основаны также на принципе соразмерности.

Согласно статье 78 Конституции меры, выбранные для ограничения основных прав и свобод, должны быть пригодными и необходимыми для достижения цели, установленной Конституцией. Меры, выбранные для ограничения, должны быть соразмерны значению ограничиваемых основных прав и свобод.

Конституционный Суд констатирует, что ограничение любого основного права возможно только законом, и в данном случае требования, касающиеся ограничений законом основного права, следующие:

- 1) правомерность цели ограничения, а именно его установление Конституцией;
- 2) а) пригодность выбранных для ограничения мер для достижения установленной Конституцией цели;
- б) необходимость выбранных для ограничения мер для достижения установленной Конституцией цели;
- в) соразмерность выбранных для ограничения мер значению ограничиваемого основного права и свободы.

Конституционный Суд в ряде своих постановлений обратился к принципу соразмерности. В частности:

а) “(...) Суть принципа соразмерности – **ограничение ограничений** основных прав и свобод человека и гражданина посредством обеспечения разумного баланса между частными и публичными интересами, и в ряду конституционных требований, предъявляемых ограничениям основных прав и свобод, он имеет *особое значение*” (ПКС-1546);

б) “(...) законодатель при осуществлении своего полномочия по установлению обязанностей, видов, размеров ответственности и мер принуждения физических и юридических лиц самостоятельно решает, в частности, содержание положений законодательства относительно административных правонарушений, круг тех деяний, совершение которых влечет административную ответственность, круг подлежащих административной ответственности субъектов, устанавливает меры и размеры административной ответственности. Усмотрение законодателя в подобных вопросах, однако, имеет свои конституционные рамки, и законодатель при осуществлении своего указанного полномочия ограничен отдельными конституционными принципами. (...) осуществление публичной власти прежде всего ограничивается общим принципом соразмерности, следующим из идеи правового государства. Этот принцип является одним из важнейших принципов, лежащих в основе юридической ответственности, в целом, и административной ответственности, в частности (...)” (ПКС-920);

в) “(...) принцип соразмерности, в первую очередь, требует обеспечить справедливый баланс между мерой и размером устанавливаемой ответственности и правомерной целью, преследуемой при установлении ответственности.

(...) Конституционный принцип соразмерности, лежащий в основе юридической ответственности, требует также, чтобы размер установленной ответственности был дифференцированным, исходя из тяжести совершенного деяния, степени общественной опасности, причиненного вреда, меры вины и других существенных обстоятельств. Причем от законодателя требуется установить такое правовое регулирование ответственности, которое предоставит привлекающему к ответственности компетентному органу возможность определять конкретный размер устанавливаемой ответственности, исходя из характера и серьезности проступка (...)” (ПКС-924);

г) “(...) законодатель при реализации своей компетенции по предусмотрению ограничений прав и свобод должен делать это настолько пропорционально, чтобы выбранное ограничение было созвучно принципу соразмерности, предусмотренному статьей 78 Конституции РА, а именно меры, выбранные для ограничения основных

прав и свобод, должны быть пригодными и необходимыми для достижения цели, установленной Конституцией (...)" (ПКС-1293);

д) "(...) вмешательство в право собственности лица должно следовать из необходимости обеспечения уплаты данным лицом штрафа и произведения им (...) платежа, быть достаточным и необходимым для достижения этой цели, полномочие компетентного органа и процедура этого полномочия должны быть определенным образом закреплены на законодательном уровне, учитывая (...) необходимость закрепления гарантий защиты права собственности (...)" (ПКС-1153);

е) "(...) выбранная законодателем мера должна быть также необходимой. Мера является необходимой, если отсутствует более мягкая мера вмешательства, с помощью которой с той же эффективностью можно достичь упомянутой цели" (ПКС-1448).

К принципу соразмерности обратился также ЕСПЧ, толкуя его с целью определения пределов допустимости ограничения прав и свобод человека. "Принцип соразмерности представляет собой "поиск справедливого баланса между продиктованными интересами общества требованиями и требованиями защиты основных прав лица" (CASE OF SOERING V. THE UNITED KINGDOM, жалоба номер 14038/88, Решение от 07.07.1989 г., пункт 89). "(...) суд должен решить, соблюдена ли соразмерность между интересами общества и основными правами индивида" (CASE OF THE FORMER KING OF GREECE & OTHERS V. GREECE, жалоба номер 25701/94, Решение от 23.11.2000 г., пункт 89).

ЕСПЧ отметил также важность вопроса соблюдения соразмерности между преследуемой целью и применяемой мерой (CASE OF PRESSOS COMPANIA NAVIERA S.A. AND OTHERS V. BELGIUM, жалоба номер 17849/91, Решение от 20.11.1995 г., пункт 38). Одновременно ЕСПЧ выразил позицию о том, что ограничения основных прав и свобод должны быть соразмерны обстоятельствам, чтобы не были попораны конституционные ценности (CASE OF GRIGORIADES V. GREECE, жалоба номер 121/1996/740/939, Решение от 25.11.1997 г.).

Суд должен рассматривать вмешательство в свете всех обстоятельств дела. В частности, нужно определить, соразмерно ли допущенное вмешательство преследуемой правомерной цели (CASE BARFOD V. DENMARK, жалоба номер 11508/85, Решение от 22.02.1989 г., § 28). Суд должен убедиться, что национальные власти применили стандарты, соответствующие закрепленным в статье 10 Конвенции принципам, более того, что они были приняты на основании оценки соответствующих

фактов (CASE OF JERSILD V. DENMARK, жалоба номер 15890/89, Решение от 23.09.1994 г., SERIES A no. 298, p. 24, § 31).

К каждому элементу принципа соразмерности в контекстуальном аспекте Конституционный Суд детально обратился в своем Постановлении от 18 июня 2020 года ПКС-1546. Причем “первым элементом принципа соразмерности является *легитимность цели ограничения* основного права, то есть его предусмотрение в Конституции. Это означает, что законодатель при осуществлении своих полномочий по ограничению основного права должен основываться на целях, предусмотренных Конституцией. Во всех тех случаях, когда эти цели непосредственно закреплены в конституционных положениях, касающихся ограничиваемого основного права или свободы, (...) законодатель вправе конкретизировать в законах только их, в остальных случаях законодатель сам раскрывает конституционное содержание установленной законом цели ограничения, основываясь на толковании относимых норм Конституции.

Законодатель, убедившись в наличии установленной им конституционной цели, затем должен выбрать меры для ее достижения. Поэтому *конституционность выбранных мер предопределяется прежде всего преследуемой ими целью*.

Что касается выбора законодателем мер для достижения конституционно оправданной цели, то они прежде всего должны быть пригодными для достижения упомянутой конституционной цели. То есть пригодными являются такие законодательные меры, посредством которых *законодатель может достичь преследуемой цели*, иными словами, когда обеспечена вероятность того, что результат, к которому стремится законодатель, будет достигнут.

Следующим элементом принципа соразмерности является *необходимость* выбранной законодателем меры, то есть то, что эта мера, по сравнению с иными мерами с таким же воздействием, должна предполагать самое умеренное вмешательство в какое-либо основное право или свободу. Из всех средств, пригодных для достижения установленной Конституцией цели, должна быть выбрана та законодательная мера, которая с той же вероятностью достижения цели, то есть с такой же эффективностью, но более мягко ограничивает какое-либо основное право или свободу.

Последний, четвертый элемент принципа соразмерности требует от законодателя сравнения выбранной им *пригодной и необходимой меры с конституционным значением* ограничиваемого основного права или свободы для установления того, действительно ли государство этими мерами достигает поставленной цели и *не*

сохраняет ли ограничиваемое основное право или свобода по своему значению верховенство над общественными интересами, именно для соблюдения которых законодатель ограничивает основные права или свободы. В итоге это означает, что невмешательство в какое-либо основное право или свободу либо его гарантирование, в зависимости от его характера, является правилом, а его ограничение – исключением, которое должно быть обосновано в каждом случае ограничения. При этом чем интенсивнее ограничение, тем больше бремя обоснования ограничения”.

Рассматривая оспариваемые регулирования Кодекса в свете вышеизложенного, Конституционный Суд констатирует, что они уместаются в рамки логики статьи 76 Конституции и созвучны конституционному принципу соразмерности, предъявляемому ограничению свободы выражения мнения. Одновременно по результатам изучения материалов, приложенных к зарегистрированному в Конституционном Суде 24 марта 2021 года Ответному письму Полиции, а именно протоколов об административных правонарушениях, установленных оспариваемыми по настоящему делу частями 5-7 статьи 182.5 Кодекса, и решений по делам об административных правонарушениях, необходимо отметить, что административным органом штраф за правонарушения, предусмотренные указанными частями статьи 182.5 Кодекса, в основном назначался в установленном минимальном размере.

Относительно частей 5-7 и взаимосвязанных с ними частей 13 и 14 статьи 182.5 Кодекса Конституционный Суд констатирует, что после привлечения к ответственности предвидение более строгой ответственности за совершение одно и того же деяния достаточно распространено в законодательных регулированиях относительно административной ответственности. В связи с этим в случае наиболее строгих видов административного взыскания, штрафа установление его еще больших размеров (при повторном совершении одно и того же правонарушения) находится в рамках компетенции законодательного органа. Следовательно, указанные положения в аспекте соблюдения конституционного принципа соразмерности не являются спорными.

Одновременно Конституционный Суд считает, что **в правоприменительной практике при применении в отношении лица/средства массовой информации вышеупомянутой ответственности правоприменитель должен учитывать имущественное положение лица/средства массовой информации и в допустимых законом рамках по возможности применять более мягкий штраф во всех тех**

случаях, когда имеется реальная угроза того, что применением более строгого штрафа на лицо/средство массовой информации будет возложено несоразмерно тяжелое материальное бремя, которое будет иметь решающее негативное финансовое влияние на деятельность лица, а в случае средства массовой информации – неизбежно приведет к прекращению его деятельности (в том числе - фактически), что неприемлемо в связи с важной ролью средств массовой информации в демократическом обществе.

Исходя из результатов рассмотрения дела и принимая за основание пункт 1 статьи 168, пункт 10 части 1 статьи 169, статью 170 Конституции, а также статьи 63, 64 и 68 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Словосочетание “ставящих под сомнение эффективность или иным образом обесценивающих” пункта 9.1 Приложения к Постановлению Правительства от 27 сентября 2020 года номер 1586-N “Об объявлении военного положения в Республике Армения” признать противоречащим статьям 42 и 79 Конституции и недействительным.

2. Пункт 9.2 Приложения к Постановлению Правительства от 27 сентября 2020 года номер 1586-N “Об объявлении военного положения в Республике Армения” соответствует Конституции.

3. Части 5-7 и взаимосвязанные с ними части 13 и 14 статьи 182.5 Кодекса Республики Армения об административных правонарушениях соответствуют Конституции.

4. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

А. ДИЛАНЯН

4 мая 2021 года

ПКС-1592